

Леся Гура — молодой Петербургский драматург, закончила мастерскую РГИ-СИ Н.С. Скороход. Пьесы автора входят в шорт и лонг листы драматургических конкурсов.

Леся Гура
г. Санкт-Петербург

Колко*

Национальное роуд муви

Начало см. в №4 за 2023 год

Действие II

Северная Осетия. Экскурсионный минивэн, где сидят Качок на переднем сидении, рядом водитель по имени Нико. На заднем сидении Санёк, Лёха, а посередине чемодан Санька.

Лёха. Сань, я не понимаю, почему он не может поехать в багажнике?

Санёк. Он должен видеть всё!

Лёха. Что?

Санёк. Шутка! Шутка, говорю! Чего смотришь так?

Места там нет.

Лёха. Ладно...

Нико. У нас пять братьев есть Хестановых. Там несколько семей таких, которые...

Качок. Ну вот, мы были в этом, утром. Раньше приехали. В Беслан заезжали. В школу.

Пауза

Нико. Я в Беслане живу...

Санёк. Да? А мы заезжали.

Нико. Да, я в Беслане живу...

Лёха. Мы заезжали в школу, смотрим, там это...

Качок. Вообще жуть...

Лёха. Семьями целыми. Там отец, трое детей.

Нико. А вы в городе ангелов были?

Санёк. В школу самую заходили...

Качок. И на кладбище были...

Нико. Спасибо...

Лёха. Ужас, бедные дети...

Нико. Сегодня Казбек не видно, верхушка спряталась... Это в две тысячи четвертом году было...

Лёха. А там чеченцы же были, да?

Качок. А эти я слышал, они же должны были. Ну просили эти отдать людей своих, террористов этих.

Нико. Ну я тебе так скажу. Они сразу как зашли туда, они бомбы развесили. У них знаешь, как было... Я бы зарезал их... Ингуши в основном были, и чеченцы тоже были.

Лёха. Ну их всех убили, правильно?

Нико. Одного поймали, кто-то говорит, что они уходили. Они бриться начали и в гражданку передевались и короче уходили...

Лёха. Плакали горы... И кажется, вот время остановилось там. Будто вот кто-то снимает на камеру тебя и на кнопку раз нажал и ты на паузе вместе с жизнью вокруг. То есть твои чувства они проходят через острую осязаемую натянутую как игла боль, и эта важная общечеловеческая

боль какая-то, как язык. Все понимают боль... Я там хожу и вижу как она расположилась на стенах. Смотрит на меня своими страшными полными тоски глазами. Там люди надписи оставляли... Помним, скорбим... И разные-разные города. От Владивостока до Сочи... И вот ты стоишь среди этой боли, и она внутрь тебя смотрит, и так медленно проникает, что ты говорить не можешь. Она в тебя въедается. И есть только эта минута в жизни. Ты не будешь моложе, уже никогда. И я вспоминать стал эти свои минуты... Когда я понимал, что не буду уже никогда красивее, сильнее, удачливее, стыдливее и там много всего, но минуту, когда я не смогу быть счастливее, чем... Я не смог вспомнить. И эта мысль, что у детей отобрали минуты, украли, вынули вместе с сердцами минуты выбора, счастья... Эта мысль просто меня... Короче это что-то ужасное, что словами не скажешь...

Нико. Я тебе чё говорю, животные так не делают...

Ин ша Алла там, Аллаху молишься. Намазы читаешь.

Качок. А потом идёшь, дитя стреляешь, подонок... Штаны еще носят...

Нико. Я тогда как раз в пятый класс пошёл и мы вокруг школы гуляли, я в пятой школе учился, а первая школа, прям можно сказать по одной улице. По рельсам, если идти. И до середины дошли, а в то время очень беспокойно было. Постоянно то рынок, то кинотеатр, то там газель подорвали. Постоянно что-то было. Меня в детстве не пускали ни на футбол, никуда. Такое время было. И как раз вот стрельбы начались, мы думали, что празднуют, там салюты. Люди отдыхают... А потом подошли, там уже люди убежать начали. У меня младший брат, два брата и сестра они в младших классах я к ним сразу побежал, их забрал и мы тоже убежали. Там это всё знали все...

Санёк. Что будет?

Нико. Там в школе нашли деньги. Большие.

Санёк. Всё проплачено...

Лёха. Да ну... Ну кактакое может быть? Они же, эти бородатые, просили вывести войска из Чечни.

Качок. Видишь мы-то историю одну знаем...

Лёха. Похоже на городские байки... Не найдешь правды.

Нико. Ну там женщина пришла убирать, родительница перед первым сентября и говорит там бородатый сидел. И директору говорят, там говорит бородатый! А она говорит бомжи, оставь. Они же заезжали там же оружие сколько было. Они же это всё провозили через поля и охранник видел. Он им говорит. А они ему – не твоё дело. Мы говорит ремонтом занимаемся... Ты видео посмотрел это?

Качок. Я? Да! А там же сын был или дочь высокопоставленного какого-то. И у него же была возможность спасти. А он оставил. Как я потом людям в глаза смотреть буду... Вот тоже выбор у отца, да... Своего ребенка спасти или... Я бы не смог.

Нико. Да. Это как Сталин!

Санёк. Он же тоже сына своего из плена не поменял...

Нико. Вот я про Исса Плиева вам расскажу. Исса Плиев дважды герой Советского союза и герой Молдовы. И он был простым пастухом из села. И его отец уехал в Сибирь деньги зарабатывать. Семье копейки не хватило. Он уехал зарабатывать деньги, и там в шахте, короче, ЧП у них случилось, и он умер. И он был самым младшим сыном, и стал пастухом подрабатывать. Дядя у него был военным, и потом он проучился в школу и потом он во Владикавказ поехал и стал офицером. У него столько вот... Вот, например, вот одна ситуация, я вам могу рассказать. Во-первых, говорят он всегда шёл впереди. Я говорит, должен быть примером! Сначала я, потом они пойдут. Тама, короче, им надо было передать важная информация в другой полк. А у немцев уже в то время, говорят, был переводчик. И он, говорят, вспомнил, что у него в другом

полку есть друг осетин, ну, брат его. И через него они на осетинском передали информацию. В Монголии у него до сих пор есть памятник, там в телевизоре показывали. У него конь, Терек он его назвал. Терек, Терек – конь. Он первый полководец конной артиллерии. Да, он единственный генерал в то время у кого был пульт от ракеты! От ядерной ракеты!

Лёха. Чудеса в решете... Широка страна моя... Родная.

Нико. И это почему он на памятнике на коне! Он сказал, когда я умру, хочу, чтобы на коне у меня памятник был. И вот на коне ему памятник поставили. Цейское ущелье он обожал!

Качок. Там говорят красиво!

Нико. Да, другая там природа. Со Сталиным они дружили! А Сталин Дзугаев! Знаете фамилию Джугашвили? Да! У него фамилия.

Санек. Да, да... Как не знать то... Как выговорить бы понять, а там уже...

Лёха. Джугашвили, что сложного?

Нико. Дзугаевых в Северной Осетии больше, нежели в Грузии. В Грузии их больше нет!

Лёха. Ахххахх.

Нико. Ну! Как есть по факту. Гори и Южная Осетия, это же граница. Вот. В Гори до сих пор очень много осетин. Я вот у грузинов спрашивал, они его не признают. Сталина.

Качок. Там такой музей ему отбахали, Сталину! Я был.

Нико. Они его девятого мая... Ты зайди с этими «спасибо деду за победу» или с этими ленточками. И они это «выкинь» говорят, а то мы тебя не запустим.

Санёк. Почему?

Нико. Ну вот и спроси их, почему. Потому что они на Европу хотят.

Лёха. А у меня прабабушка грузинка... Войну всю прошла... Тут что-то сложнее, чем сказать «в Европу хоят»... Я думаю.

Санёк. Они Сталина считают тираном, а он же всё починил за семь лет после войны.

Лёха. Кто? Сам Сталин?

Санёк. Ну...Люди.

Лёха. Ну вот. Люди! Все работали. Сталин тут причём?

Нико. А когда его не стало у него же в кармане...ничего. И носок даже порванный был, говорят. Маме, говорят, отправил деньги.

Лёха. И кто у вас такой говорун тут?

Санёк. А сейчас...

Лёха. Что сейчас?

Санёк. Ну, Сталина взять, он же хотел братство народное создать, чтобы все равны и порядок чтобы был, чтобы всё по правде, никто чтобы не утаивал ничего...

Лёха. Ага. Вот и получилось кровавое братство, кровью одной и умылись все, кто правды хотел. Да и кто не хотел...Сполна все умылись. Только Сталин твой не захлебнулся, почему-то. Ему мало было.

Санёк. А сейчас что? Никто не умывается, скажешь?

Лёха. Ничего уже не скажу...

Нико. Ладно вам! Недавно, вот приехал этот, патриарх сюда и этот самый, там самолёты, машины...Много было.

Качок. Хэ. А вы слышали эту историю: если Кириллу бороду сбрить, он похож на Мишу Япончика. Типа, Япончик не умер, он теперь Патриарх. Хэ!

Санёк. Вообще не удивлюсь в этой стране!

Нико. Мы будем проезжать сегодня у нас здесь самый большой высокогорный мужской монастырь.

Санёк. Этого возьмут?

Качок. Зачем мне мужской, мне женский нужен!

Лёха. Очень смешно...

Качок. И чё патриарх приезжал кипиш был, наверно, капец?

Нико. Да ты чё! Дороги перегородили.

Санёк. Тоже любит с пафосом...

Нико. Пипец с каким пафосом. Его, когда встречали с ума сойти. Иисус, когда въезжал, бедный на ишаке... А этот сто пятьдесят машин, все в золоте. Кто ты такой, человек, вообще не пойму.

Качок. Хэ хэ хэ какой народ такой и пастырь.

Санёк. Что-то ты разговорчивый стал...

Качок. Воздух свежий просто.

Лёха. А чем вообще Осетия живет?

Нико. Чтобы ты понимал, в маленьком Беслане семь водочных заводов было. Здесь у нас. В то время, во время девяностых годов, кто успел на этом заработать, кто успел хапнуть. У нас вода хорошая, кукуруза, пшеница. Полей много, за счет этого всего урожай хороший. Всю Россию обеспечивает.

Санёк. Надо будет водку купить...

Качок. Обязательно!

Лёха. Всё природа дала...

Качок. А в Грузии говорят коррупции нет.

Нико. А думаешь, это хорошо? Вот тебя остановили, ты ему триста рублей дал и поехал. А там ты к нему выйдешь и не имеешь права говорить, и он с тобой, знаешь, как нагло говорить будет: «Сиди в машине, щас я вызову, и тебя заберут». И кричит, орёт! Может, у них к осетинам такой негатив. До сих пор после войны... Они как-то, вот... О, крепость, видишь, камнями обложена.

Лёха. Я вижу! Воон, Сань! Чемодан опусти свой!

Санёк. Ага!

Качок. Красотища!

Нико. Я вот сейчас вам здесь буду останавливать. Вот здесь Кадаргаванский каньон с глубиной шестьдесят

метров, такое очень приятное место. Только близко не подходите!

Путешествующие смотрят на каньон.

Санёк. Слушай, а там же просто ледник сошёл и всё?

Нико. Там? Да! Ледник Колка. Одна четвертая часть, и всё. Скоростью сто восемьдесят километров в час, там не столько она масштабная была. Одна четвертая часть. Ежегодно она может смещаться. За ней слежка была в советское время, её забросили, никому уже не интересно стало. Вот после того... Возобновили и сейчас тоже наблюдают. Там асфальт положили в этом году. Не думал, что спустя двадцать лет они обратно сделают асфальт. Не думал, что кто-то будет что-то делать.

Санёк. Как быстро двадцать лет пролетели...

Качок. А говорили же первое время по телеку, там съёмочная группа укрылась в каком-то туннеле.

Нико. Мы остановимся там.

Качок. Отара овец типа зашла туда, ну у них типа еда есть...

Пауза

Лёха. Я, человек бродячий и зашёл сюда сам. Завалив выход в пещеру огромной каменной плитой, одноглазый уаиг развел огонь. Своей длинной пастушеской палкой с крючком на конце поймал он за ногу одну из овец, зарезал её, разрубил на две равные части и бросил мясо в кипящий котел. Пока мясо варилось, уаиг растянулся у огня и уснул, наполнив храпом пещеру...

Пауза

Санёк. Я так мечтаю попасть в этот туннель...

Нико. Мы туда будем заезжать. А на счет овец и собак расскажу почему. В тот день, говорят, снимали фильм именно. «Связной» фильм там, в горах, фильм не про любовь, не про романтику. Была взрывчатая пиротехника, в фильме военные действия, вроде. Кто-то говорит, что даже спровоцировали.

Качок. Не надо было громко кричать... Пошумели!

Нико. Местных там тоже много было. Конный театр российский... А вот это ущелье Курта! Куртатинское, смотрите! Памятник установлен для двух братьев.

Все смотрят на ущелье

Нико. В ущелье в этом жили два брата Курта и Тага. Эта земля она была очень плодородная, здесь хороший картошка... Это вон фамильные башни! Много людей хотели захватить эти плодородные земли! И вот там вот вы видите это горное поселение, мы его тоже увидим. Интересное место, там можно погулять, атмосферное место 14 век. Оно делилось на кварталы. И за каждый квартал отвечали люди, на который враг нападал. И два брата были Курта и Тага, они были правителями, честными правителями, из других ущелий к ним говорят за советом обращались. И вот Тага, который был младший, он перешел в другое ущелье, где Даргавс, там жили грузинские ингуши и Чеченцы, и он их собрал и начал ими править там. История другая там, то, что мёртвый городок. Есть легенда, как чума появилась, будем ехать туда, расскажу. А, вот этот конь, памятник. Из этого села мужик ушел на войну, вернулся, и конь ждёт его.

Нико. А вот это вот Фиагдон! Раньше был здесь шахтёрский городок, здесь шахты да. Вот эти корпуса были для рабочих созданы, после этого здесь проложили асфальт создали условия и люди начали вот сейчас, послед-

нее время строить дома, коттеджи, гостиницы. У кого-то бизнес здесь хороший.

Санёк. Это уже здесь погранчасть?

Нико. Это да, пограничники уже здесь. А вот это из моего зала, здесь олимпийский чемпион, на баннере, да. У нас тут вольная борьба очень развита в Осетии. С одного зала здесь моего, братишки, Сидор первый стал в 84 кг, Артур стал третьим и ещё один. Три ученика у него на олимпиаде боролись.

Качок. Сильный тренер.

Нико. Да! Фильм тоже сняли вот Артур Найфонов как раз. Он был в теракте как раз. И он на олимпиаде 3 стал, дай Бог в следующий раз первым станет. Хороший очень.

Качок. Мама бы гордилась.

Лёха. Она и гордится.

Нико. Дом культуры! Летом здесь выносят стулья, фильмы здесь включают старинные. Наверху сделали кинотеатр под небом вот там. А вот тут «Роза Ветров», тоже красивый современный оздоровительный центр. А вон там наверху, видите, ретранслятор, вот там самая высокая высокогорная лавочка любви! Парень своей девушке там предложение делает.

Качок. Оооо

Нико. Ну с этого места отказать тяжело.

Качок. Ага, можно ногой её пнуть потом, никто не найдет.

Пауза

Нико. А вон дом видите наверху большой, сигнальные башни, воон наверху, и барашки там, там «пипец» как красиво. У меня есть друг Аслан, он в Орёл и Решка попал в кадр с собакой. Он всю жизнь там в горах. Зимой, летом, он там. А здесь сыр они делают вкусный. Чурчхела. Давайте здесь остановимся.

Санёк. О, опять Сталин. Лёх, иди сфоткаю.

Лёха. Я на фотках не получаюсь... Особенно с такими. Везде он здесь! Сталин жив, как Цой, а я нет!

Санёк. Что у тебя за юмор? Надо тебе просветится, вставай, сфоткаю с вождём народным.

Лёха. Нет! Просветился-осветился! Я не понимаю, чего ты вообще от народа хочешь, которому вождь нужен. Вождь, сука! Ты подумай только. Свобода-то какая в горах этих, а вы про одно всё. Всеу имя этого. Вон. Союз распался и хорошо, это такой шанс был свободы глотнуть. И что? И ничего. Кто ищет, тот, как говорится. Нашли нового. Тут можно не в галстуки, тут в рясы можно красные нарядиться и пойти кровью своей земли чужие орошать. Рай свой национальный уже на другой планете скоро стоять решат. Что вы делаете-то тут? Живые?

Санёк. И чего ты завёлся...

Лёха. Я за правду, Сань всеми руками и ногами. А она нужна вам вообще? Правда? И счастье оно нужно? Вы умеете?

Санёк. Конечно, ну а чё я поехал-то вообще?

Лёха. Тебе надо, чтобы кто-то пришел и спас, выстроил свою колокольню счастья. Мир, страна, город, посёлок. Неважно! Счастье оно внутри, Сань, должно быть внутри, в человеке строится. Ты ж пока не решишь быть счастливым, никакая прекрасная и мирная страна тебе не поможет. Разве не за что на земле быть счастливым? А?

Качок. У меня мама борщ очень вкусный готовит с пампушками, мы когда жили... Ну. Неважно. Я к маме хочу...

Лёха. Важно! Важно, что ты не можешь произнести имя своей страны. Это важно. Где твоя мама сейчас?

Качок. Там. Она не общается со мной и моей семьей как только началось... Может быть её уже нет...И кто виноват?

Лёха. Никто ни в чём не виноват.

Санек. Как же?

Лёха. Кроме нас самих! Пока мы позволяем делать это с нами.

Санёк. Что мы можем? Да кто мы такие, Лёх?

Лёха. Люди... или уже уроды. Я уж не знаю. Пора мне. Жива твоя мама, Вов. Ты позвони ей. У них тихо сейчас.

Качок. Ты откуда знаешь?

Пауза

Лёха. Ну что будете со Сталиным фоткаться? (кричит)

Качок. Нет.

Лёха. Вот и я говорю, пора на покой уже.

Санёк. Ты куда?

Лёха. Пойду я. Маме привет передай... (уходит по дороге)

Нико. Стой! Ты куда по дороге пошёл? Чего парня обидели?

Качок. Он фоткаться не хочет с вождём...

Нико. Садитесь догонять будем. Туман вон стелется.

Санёк. Лёха?

Санёк, Нико и Качок едут по туманной дороге.

Действие III

Кармадонское ущелье. Туннель, где предположительно спряталась съёмочная группа Бодрова, на скале рисунок. Мемориальная табличка.

Лёха. А старая Кармагон испекла в эту ночь три медовые лепёшки и стала молиться над ними:

- Бог богов, мой Бог! Пошли снега небывалые и спусти с гор свои вечные льды, чтобы поняли нартские хвастуны, кто из нартов наилучший мужчина!

И снег шёл всю ночь. Такой выпал снег, что ни пройти, ни проехать.

Нико. Час уже едем, нет вашего брата, как и не было.

Качок. Мы в Кармадоне уже?

Нико. Да, вон туннель этот. Там можете посмотреть, подойти, цветы, если есть, положить.

Санёк. Брат! Останови, останови, пожалуйста.

Нико. Да нет там никого!

Санёк. Останови!

Санёк бежит к туннелю. Лёха стоит у туннеля.

Санёк. Подожди! Стой! Лёшка, стой! Ты тогда в метро мне эту песню включил, я тогда первый раз подумал... Такого же не может быть... Ты тогда в метро так смотрел... Я тогда подумал, а потом, ну что я, совсем. Я что, с ума сошёл. Ты тогда так смотрел, Лёшка!

Пауза

Лёха. Конечно, я смотрел на них как на чудаков, а на себя как на чудака главного. В метро растворялась моя идея, размазываясь об пол, как Питерская грязь, когда едешь, смотришь напротив, в отражение себя, и растекаешься. Я ищу отражение, чтобы не потерять, чтобы как-то закрепиться в этом мире. Уже чужом. Мои глаза впали в глазницы и изучают пространство внутри черепной коробки, я смотрю и вижу пустоту, как в лучших медитациях. Боже, никто не знает, где я провел эти несколько лет, которых мне не хватало до двадцати шести или до сорока шести, я и сам не знаю. Я просто начинаю слушать музыку, и снова внутри моей головы бегают маленькие человечки,

вкручивая гайки в мой мозг. И где я провел свою прошлую жизнь? Я ничего не знаю. Это передозировка идеей, я хотел полюбить весь мир без остатка, я хотел. Я хотел. Я...Идея о том, что нужно быть светлым, приносящим счастье человеком грела мое нутро, периодически высыхая на гладкой коже кончиков пальцев. Я сажусь за фортепиано, я играю музыку, которая душит меня как тысячи атмосфер. Я никогда не умел играть, брат. Ты помнишь?

Санёк. Мама заставляла тебя ходить в музыкалку. Ты добрый такой был, ты как-то умел жить. Просто дышать воздухом и всё. Просто быть счастливым. Я знаю, что никто не виноват Лёх, но я сука не могу. Не могу перестать чувствовать себя последним человеком в очереди за колбасой, помнишь?

Лёха. Помню...

Лёха старается уйти в туннель от брата, Санёк идёт за ним.

Пауза

Санёк. Я же опоздал тогда с вами из-за колбасы... Из-за колбасы. Вы уехали, а я с этой палкой... Стою как дурак и смотрю, как поезд уходит. Если бы я тогда, то, может быть, я был бы счастлив уже там. Может, я бы с вами тогда увидел, ну, того, кто там сидит. Бог или кто? Это он там тогда мне колбасу эту задерживал... Для чего только?

Лёха. Хватит. Ты столько лет не вспоминал меня, не говорил. Теперь вот пристроил меня к своей... Как это правильно сказать? Реальности. Да. Меня нет. Сань. Это просто жизнь Саня, твоя! Просто жизнь и со всеми это будет. И знаешь, это прекрасно. Пройти свой путь. А я свой прошёл.

Санёк. Я должен был вместо тебя. Я жить не умею.

Лёха. Тебе есть о ком заботиться, Сань! Иди, жить учись! Счастьем учись, в себе его ищи! Никто кроме тебя не

спасёт тебя! Иди отсюда с Богом... Сейчас опять начнётся. Иди!

Санёк. Что?

Лёха. Иди, Сань...

Качок забегают в тёмный туннель, светит фонариком на Санька.

Качок. Э, Сань ты ехать-то будешь? Выходи, чё лазишь-то там? Саняяя! Слышишь вообще?

Санёк. Лёха!? Лёха ты где? Лёёёёхааааа!

Выходят из туннеля

Качок. Сань, ну ты чего орёшь то?

Санёк. Я запомнил его таким получается, таким добрым весёлым. Он такой хороший у меня, да?

Качок. А? Да. Ты чего завис-то там?

Санёк. Ничего. У меня брат просто умер.

Качок. А ну у нас у всех же умер, я понимаю. Серёгу все любили.

Санёк. Да нет...

Качок. А где малой?

Санёк. У меня брат, мой. Он в горы пошёл тогда. Группы водил, они ходили по горам письма там Богу отправлять. Ага. Такие были ... Не понимал их короче никто. Они это счастье практиковали. И тогда в этом ущелье тоже оказались. Не знает никто точно где, да и что тут знать-то. Дело обычное, группа туристов и всё, без весты. Может он тоже в этом туннеле тогда. Я попрощаться вот двадцать лет не мог и за одно привезти. Дай чемодан там, на сиденье, клетчатый.

Качок. Ого, тяжёлый.

Открывает чемодан.

Качок. Опааа! Это чё столешка та что ли? Кусок тот?

Санёк. Ага.

Качок. Ну ты чёрт. Вот даешь!

Санёк. Да ты переверни то!

Качок. Ого! Вот это картинка! Слушай, брат! Красиво.

Санёк. Не брат ты мне...

Качок. Зачем ты так...

Пауза

Санёк. Прости! Это моя такая дурацкая привычка. Прости.

Качок. Ничего, ничего! Ты мне всегда как человек нравился. Ты сильный, Сань! А это откуда?

Санёк. Это последняя сцена. «Я тоже хочу!». Я рисовал в детстве хорошо. А этот кусок откололся когда, столешки этой. Я прям увидел эту колокольню счастья из фильма, и тут маленький Балабанов на снегу с чемоданчиком и рука у него в гипсе. Он сидит на морозе в красной флисовой фуфайке Бодрова... Такой бедный. Одинокий. И я подумал. И выбил на камне это. Подумал, что хорошо будет, если его здесь рядом с братом оставить. Брата с братом... Правильно это как-то.

Качок. Давай.

Санёк. Рядом здесь, давай поставим у туннеля, где эта картина Бодрова. Возле цветов. Пусть они вместе будут.

Качок. Добрый ты, Сань.

Санёк. Правда?

Качок. Да. Я так думаю.

Санёк. Спасибо (*смотрят на табличку*).

Нико. Эййй, садитесь, поехали. Ехать отсюда надо, быстро! Давайте садитесь быстрее, совсем мне не нравится погода! Ветер такой, холодно!

Санёк. Снег... Смотри какой. Белый. Сейчас ляжет и укроет всё.

Нико. Поехали! Поехали быстро. Не должно было, ещё столько лет не должно было. Потревожили, старую Кармагон. Опят потревожили. Сейчас тут всё, скоро тут всё завалит, садитесь в машину уезжать надо! Где ваш ещё один?

Качок. Пойдем, пойдем Сань.

Санёк. Он там остался там место его... В горах. Там, те у кого душа широкая...

Нико. Не понял, ты чё брата своего убил?

Санёк. Нет, он вечный. Я его привёл. Оставил.

Нико. И как, мы что человека бросим там?

Качок. Поехали-поехали, всё в порядке. Он знает дорогу.

Нико. Туристы... Сейчас тут через часа два всё размажет.

Санёк. Вот видишь, Лёха, всё так! И тропинку, и лесок сука, каждый колосок! Это Родина моя! Наша русская земля! Здесь навек мне всё... будто каждый год. Всё хорошее разможат глыбой холодного и равнодушного льда. Разможат, и не постесняются и всем им, Лёха... Плевать им всем! Кости, мысли, сердца разможат. Пыль одна от нас останется скоро. Колка ведь по-прежнему срывается и заполняет глубины. То есть, где, знаешь, могло быть что-то хорошее и доброе... Прорасти бы могло, сбыться бы... Только дай время... А нет. Не получается, Лёх, разможат... Но не душу, Лёх, нет. Душу у них не получится. Колка! Ага, такая, на бешеной скорости. В разное время своя у нас глыба бездушного льда, сносящая на своём пути всё ... И только пыль, но если человек, он сделал что-то великое, его помнят. Он навсегда остаётся... Дух его будто в воздухе, понимаешь. Зависает так навсегда и смотрит. Я не пил, Лёх, не пил. Просто мне тоже так хочется сделать что-то великое, чтобы, знаешь, помнили, ну чтобы кому-то полезно было... Чтобы не зря гадил на этой земле. Я такой

мелкой породы человек, Лёх, понимаешь... И мне вот по-прежнему колко в сердце от воспоминаний этих, и каждый год перемалывает кого-то... чтобы, наверное, лучшие не испортились, я не знаю. Я не знаю. Ничего я не знаю. Только про тропинку, лесок и колосок. Немного я знаю...

Качок берёт на руки Санька и тащит в машину. Слышен треск льда. Санёк вылез в окно машины, обернулся на туннель. Всё окутывает туманом. Дорогу, туннель, памятник Бодрову и Балабанову, память о Лёхе тоже окутывает туман и падает снег и вдалеке уже крошится и трещит лёд. По радио играет песня Агата Кристи «я не забуду о тебе никогда». Все в машине поют...

Я не забуду о тебе
Никогда, никогда, никогда!
С тобою буду до конца,
До конца, до конца, до конца!
И мёртвый адмирал
Сойдёт со стен к свечам
И пустотой зеркал
Наполнит свой бокал.
И в гробовой тиши
Провозгласит он тост
За упокой души,
За вечную любовь!
Я не забуду о тебе
Никогда, никогда, никогда!
С тобою буду до конца,
До конца, до конца, до конца!
Я не забуду о тебе
Никогда, никогда, никогда!
С тобою буду до конца,
До конца, до конца, до конца!
Я не забуду о тебе
Никогда, никогда, никогда!

С тобою буду до конца,
До конца, до конца, до конца!

Эпилог

Лето. Лес. Речка. Сидит Санёк его жена и два их сына Лёша и Серёжа, удят рыбу.

Андреева. Так хорошо, Саш.

Санёк. Хорошо, Ань.

Андреева. Счастье в воздухе будто...

Санёк. Это вы, счастье!

Андреева. И ты!

Санёк. Спасибо, Лёха...